

От «Электрита» до «Горизонта»



Какое удовольствие выпить чашку кофе на старинной вильнюсской улице Пилес, в переводе — Замковой! Каждый дом здесь с историей. И таких улиц расходуется отсюда десятки. Причем на каждой оставили след белорусы. Вильнюс (Вильня) со времен Великого княжества Литовского для наших предков был одним из культурных, экономических центров. Но старые адреса земляков подзабыты. К счастью, не совсем забыты. Чтобы сориентировать вас в древних кварталах, «СБ» предлагает увлекательный путеводитель — «Vilnius — Вильня. Столица Литвы в истории Беларуси. Прогулка по городу с Виктором Корбутом».

На древних улицах мы найдем мемориальные доски в честь наших просветителей первой величины: первопечатника Франциска Скорины, Янки Купалы, историка Вацлава Ластовского, основоположника современного белорусского правописания Бронислава Тарашкевича, Кастуся Калиновского. Они здесь жили и творили, закладывая основы нашей культуры и государственности. Но это лишь несколько имен. Белорусы в главном городе Литвы селились по крайней мере с XIV века: строили церкви, дома, многие из которых сохранились до наших дней.

Вильнюс был основан литовцами на литовской земле — еще до нашей эры — как небольшое поселение, выросшее затем в город, впервые упомянутый в анналах истории в 1323 году. А к началу XX века вокруг города царил белорусский язык. Нобелевский лауреат Чеслав Милош, польский поэт литовского происхождения, связанный корнями и с Беларусью, сказал о Вильнюсе, в котором жил до Второй мировой войны: «Так, как Париж принадлежит не только французам, но и всему миру, так в некотором смысле и Вильнюс принадлежит не только — хотя и в первую очередь — литовцам, но также и полякам, белорусам и евреям, а следовательно, всему миру». А еще один житель Вильнюса — авторитетный белорусский деятель начала XX века Антон Луцкевич в 1918 году пришел к выводу, что для литовцев и белорусов город одинаково ценен: «Вільня пры ўсялякіх варунках павінна абслугоўваць абодва народы, для якіх гэтае места было калыскай у часах нарадзін іх культуры».



Адам Мальдис вспоминает, как в 1964 году показывал Владимиру Короткевичу старый Вильнюс: «Узбіраліся на вежу Гедымінаса. Доўга стаялі каля Вострай брамы, Святадухаўскай царквы, у Базыльянскіх мурах». И тогда Короткевич сказал: «Во дзе была талеранцыя: зусім побач мірна сужылі каталіцкая, праваслаўная і ўніяцкая святыні».

Адам Мальдис вспоминает, как в 1964 году показывал Владимиру Короткевичу старый Вильнюс: «Узбіраліся на вежу Гедымінаса. Доўга стаялі каля Вострай брамы, Святадухаўскай царквы, у Базыльянскіх мурах». И тогда Короткевич сказал: «Во дзе была талеранцыя: зусім побач мірна сужылі каталіцкая, праваслаўная і ўніяцкая святыні».

Пойдемте по следам Владимира Короткевича. Приглашаем.

История предприятий «Горизонт» и «Амкодор–БелВАР», ведущих минских производителей электротехники, начиналась в 1925 году в Вильнюсе, с мастерской предприимчивых виленских мещан Нахмана Левина, Шмуэля и Гирша Хволесов.



С 1922 по 1939 год Вильнюс входил в состав Польши и назывался Вильно. Левин и Хволесы открыли магазин радиотоваров и ремонтную мастерскую в доме на улице Виленской, 24. Ныне: Вильняус.

Поначалу продавали и ремонтировали лишь импортные радиоприемники. Но настоящий предприниматель думает не только о том, чтобы купить—продать, но и наладить производство. В 1927 году появилась первая собственная продукция.



Кстати

Спрос на радиоприемники в Вильно увеличился с появлением здесь в 1928 году региональной станции Польского радио. Редакция находилась в здании на улице Адама Мицкевича (ныне проспект Гядимино (Гедимина), 22). На радиостанции в 1936 — 1937 годах работал Чеслав Милош. Каждый день станция транслировала богослужения из каплицы Матери Божьей Остробрамской. Последняя передача вышла 16 сентября 1939 года. На следующий день начался освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию.

«Минерва» дает лицензию

1930–е годы в Европе были временем экономической стагнации. Вильно являлся провинциальным городом Польши, промышленной и культурной окраиной. Исключением стало дело предпринимателей с улицы Виленской. В 1934 году их бизнес переносится на улицу Генерала Станислава Шептыцкого (теперь — Шевченкос (Тараса Шевченко), 16) и под маркой «Электрит» здесь начинается выпуск приемников по лицензии венской фирмы «Минерва». В 1936–м фабрика стала крупнейшим производителем радиоаппаратуры в Польше. Здесь работали 1.100 человек. В год с конвейера сходило 54 тысячи приемников. И по сей день целы стены того здания, где создавались чудеса техники.

Всегда была актуальна тема импортозамещения. Так вот, в продукции «Электрита» только 20 процентов деталей зарубежного происхождения: лампы Philips, резисторы Horkiewicz, английские мембраны динамиков, за границей закупали также магниты, электролитные конденсаторы. Кроме приемников, на виленском предприятии производили усилители мощности, микрофоны и мегафоны, аппаратуру для кинотеатров и конференц–залов.

На фабрике была столярная мастерская. Приемники того времени отделывали деревом. И очень искусно.

Не обошлось без забастовок

С 1937 года сделанная в Вильно аппаратура пошла на экспорт — в Индию, Южную Африку, Ближний Восток. Международные выставки и награды — все это прилагалось к успеху. Впрочем, как и забастовки.



Историки отмечают акцию протеста 1935 года, организованную не без инициативы Коммунистической партии Западной Белоруссии, как самую крупную. Правда, профсоюз тогда ничего не добился и вынужден был пойти на уступки владельцам «Электрита». А организаторов «страйка» уволили.

Но для тех, кто ценил свою работу, был и соцпакет. При предприятии действовал спортклуб с секциями футбола, бокса, плавания, байдарок. Издавались корпоративные календари, с 1937 года выходил ежемесячник *Elektrit-Radio. Wiadomosci techniczne zakladow Elektrit w Wilnie*.

Родные стены осиротели

В 1939 году началось производство очередной серии приемников. А 1 сентября вспыхнула Вторая мировая война. В конце месяца Вильно заняла Красная Армия.

Перед тем как в октябре передать Литве ее историческую столицу, советские руководители инициировали вывоз из города оборудования и музейных, библиотечных ценностей (тогда же в [Академию наук БССР](#) попало крупное архивное собрание, возвращенное в Вильнюс в годы немецкой оккупации).

«Электрит» перестал существовать. Его технические мощности переместили в Минск. И не только станки. «Эвакуировали» перед возвращением Вильнюса «буржуазной» Литве и работников фабрики радиоаппаратуры. Кроме того, забрали в столицу БССР около 20 тысяч готовых приемников.

«Маршал» сменил «Командора»

В Минске на базе виленского предприятия 6 ноября 1940 года, к годовщине Октябрьской революции, открылся радиозавод имени Молотова. То здание сохранилось. Нынешний адрес: проспект Независимости, 58. На главном фасаде по сей день видны цифры 1940. А день рождения (или, по сути, перерождения) минского предприятия считается точкой отсчета истории радиоэлектронной промышленности Беларуси.



Однако в Минске не сразу наладили выпуск аппаратуры. Понадобился, как видим, год. В первых, инженерам из Вильно поставили задачу выпускать приемники не хуже тех, что делали при поляках. Группу специалистов бывшего «Электрита» в Москве принял член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.С.Хрущев и поручил собрать необходимые для налаживания производства материалы. На это требовалось время.

В столице БССР завод имени Молотова вырос не

на пустом месте. Базой послужило не только виленское предприятие, но и минский лесопильно–мебельный завод «Деревообделочник». Это не случайно: без деревянных корпусов для приемников в то время нельзя было обойтись. Так что белорусское предприятие, по сути, родилось из соединения минского и виленского. Минские модели КИМ, «Пионер» и «Маршал» 1940 года походили соответственно на виленские Regent, Herold и Komandor 1939–го. К июню 1941 года минский завод выпустил около 13.500 приемников.

Вторжение немцев в Минск не остановило работу предприятия.

За колючей проволокой

Во время немецкой оккупации аппараты выпускались под маркой Radiofabrik Minsk. Многие сотрудники завода были евреями. Поэтому прямо на территории было создано гетто... Историк Яков Басин проследил судьбу рабочих в финале господства нацистов в городе:

— В последних числах июня 1944 года, за несколько дней до прихода в Минск Красной Армии, всех рабочих — в большинстве евреев, погрузили в товарные вагоны и вывезли в Освенцим. Однако недалеко от Минска поезд подвергся бомбежке, и узники двух последних вагонов разбежались в заросли, окружавшие железнодорожные пути. Немцы прочесали эти заросли, и большинство бежавших были возвращены в вагоны. Тем не менее части из них удалось уцелеть. А в 1946 году в Минске судили четверых евреев с радиозавода. Фамилии троих: Гершатер, Менакер и Лурье. Судили... за сотрудничество с немцами. Чекисты, готовившие дела к процессу, не могли поверить, что эти люди смогли выжить, не заплатив за жизнь предательством. Такие тогда были нравы. Однако при этом не было привлечено ни одного не еврея из сотен тех, кто ходил работать на завод добровольно. Судьба осужденных неизвестна.

«Гаворыць «Мінск»

После освобождения Минска от нацистов завод возобновил работу в феврале 1945 года. Поначалу выпускали алюминиевую посуду, горелки для керосиновых ламп, сельхозинвентарь, штепсельные вилки. А спустя год появились и приемники: «Партизан» и «Пионер». С 1947 года модель «Маршал» стала именоваться «Минск», но все еще напоминала довоенную электритовскую. «Минск–55», «Минск–58», «Беларусь–57» — так в 1950–е годы расширялся ассортимент.

В 1957–м корректируется название «фирмы» — с тех пор это Минский радиозавод имени Ленина, а с 1958–го Минский приборостроительный завод имени Ленина. 1992 год принес новую редакцию брэнда. «Беларускае вытворчае аб'яднанне радыётэхнікі» — вот откуда на здании 1940 года появилась вывеска «БелВАР», а позже к ней добавилась приставка «Амкодор».

В 1950–м из радиозавода выделилось отдельное предприятие, ныне известное под маркой «Горизонт».

Финальный аккорд

В Вильнюсе в здании на улице Шевченкос, 16 после 1939 года потрясения не закончились. Во время немецкой оккупации на оборудованной здесь меховой фабрике работали жители виленского гетто. Потом



они, так же как и минские заводчане, были убиты нацистами.

После войны в старых электривовских корпусах открыли секретный завод радиотехнического оборудования № 555 Министерства авиационной промышленности СССР, позднее — Вильнюсский завод радиоизмерительных приборов (ВЗРИП), НПО имени 60-летия СССР Министерства промышленности средств связи. Основная продукция того времени — радиоизмерительные устройства для аэродромных комплексов, эхоскопы для медицинской диагностики.

В первые годы после восстановления независимости Литвы предприятие преобразовали в ОАО Rimeda, вскоре обанкротившееся из-за трудностей со сбытом продукции... Сейчас помещения сдаются в аренду частникам.

Со знанием дела

Вениамин Пумпянский, бывший главный инженер минского завода «Горизонт» (1989 год, запись Якова Басина):

— Я родился и вырос в Вильно. Учился во Франции, в радиотехническом институте Бордо. Успел поработать на заводе «Радио LL» в Париже. А потом пришло письмо от отца. Он писал, что в Вильно растет большой радиозавод, нужны люди, и я вернулся.

Когда уезжал учиться, завод только начинал развиваться и производил впечатление обычных мастерских: сами хозяева сидели на рабочих местах, ставили антенны на крышах домов.

Хозяевами «Электрита» были Наум Левин и братья Хволесы — Гриша, работавший главным инженером (у него было иностранное образование, он вел техническую политику), и Самуил, который вел коммерческую политику. Капитал хозяева сколотили на выпусках детекторных приемников. Какие-то деньги вложил сам Левин (он был из богатой семьи), и все же коммерческий успех зависел от братьев Хволесов.

Радиозавод рос быстро. Конъюнктура для этого была очень благоприятная. Электроэнергия в Польше была чрезвычайно дорогой. Киловатт стоил 1 злотый (5 киловатт — 1 доллар). Мы же придумали устройство, позволявшее переключать у приемников потребление тока — переводить на более экономный режим работы. Энергоемкость уменьшалась на 30 — 40 процентов. За счет этого удалось завоевать рынок Силезии, а потом Лодзи, Варшавы и всей Польши.

У «Филипса» в Варшаве был большой радиозавод, и мы с ним конкурировали, но потом наши дела пошли настолько хорошо, что мы стали выходить вперед. Приемники отличались очень красивым дизайном. А звучание было едва ли не лучшее в Польше, во всяком случае, лучше, чем у «Филипса». На дорогих моделях устанавливались несколько коротких волн, растянутых по целой шкале.

Некоторое время выпускали приемники прямого усиления, ламповые. Когда Хволесы решили делать супергетеродинные, завод заключил договор с венской фирмой «Минерва». Освоение новых моделей происходило очень быстро. Ранней весной приходили чертежи «Минервы», и оставалось отработать дизайн и подогнать конструкцию. Летом, пока шла разработка новой модели, рабочие увольнялись. Осенью нанимались вновь. Оставались только разработчики, инструментальщики и модельщики деревообрабатывающего цеха. Если в марте инструментальный цех начинал работу по новой модели, к июлю он свою

часть работы уже завершал и через месяц начинали вызывать рабочих, к примеру, цеха узлов: нужно было начинать мотать контурные катушки. В конце августа уже запускался конвейер. К этому времени из-за границы приходили комплектующие, например, магниты к динамикам, лампы, конденсаторы, резисторы.

У нас было свое ОТК. В изолированных акустических кабинах сидели контролеры. Чувствительность приемников проверялась на слух. К примеру, если хорошо слышно Хельсинки, значит, на средних волнах должна была быть хорошо слышна Москва.

Последние пару лет до прихода советских войск мы настолько крепко стали на ноги, что порвали с «Минервой» и начали сами выпускать супергетеродинные приемники. Все было свое: схема, конструкция. Новинки мировой радиопродукции не покупали, но директор собирал лучших специалистов и ехал с ними на ярмарки, например, в Лейпциг или Швецию и смотрел, кто что выставляет. Я должен был в 1939 году поехать с ними в Финляндию, но началась война и все сорвалось...

Когда началась Вторая мировая война, завод по инерции еще какое-то время работал, а потом заглох полностью. Хозяева разбежались, остался один Наум Левин. Мы потребовали зарплату за август — сентябрь. Денег у хозяина не было, и нам выплатили зарплату радиоприемниками. Это было еще лучше, потому что деньги обесценивались очень быстро, а приемник был ценностью. Самуил Хволес предусмотрительно успел перевести в Англию деньги. Под видом того, что ему надо лечить сына, он уехал туда и уже не вернулся. Григорий бежал в Каунас и, как говорят, погиб потом в гетто. Левин оставался.

...На заводе собрались несколько инженеров, кто отличался левыми взглядами. Пригласили и меня. Смотрю, у нас гость — нарком местной промышленности Белоруссии Яков Наумович Каган. Он предложил нам переехать жить в СССР. Как мы потом поняли, он уже знал, что Вильно «вернут» Литве. Потом «проболтался» и нам — чтобы «помочь» принять решение.

— Этот завод теперь ваш, — говорил он. — Ваш. Он принадлежит вам — рабочим, технической интеллигенции. Надо его вывезти отсюда и наладить производство. Вы, конечно, «за». (Мы и в самом деле были «за».) Но вас, как я вижу, всего-то шесть человек, и вшестером весь завод вы не упакуете, даже с фундаментов не снимете. Значит, надо уговорить и других инженеров, рабочих, мастеров.

Собрали митинг, и большинство проголосовало: уехать с заводом в СССР.

Потом Каган устроил еще один митинг в городском зале.

- В Вильно ваш завод не сможет функционировать в новых условиях, - уговаривал он нас. - Вы оказались оторванными от сырья, от поставок, от коммуникации. Вы останетесь без работы. А в России вы получите все условия для роста.

Проголосовали. Большинство было "за". Поляков, принявших такое решение, было крайне мало. Это и понятно: здесь у них были дома, в деревнях жили родные. А евреи жили в основном на съемных квартирах.

Потом Каган опять собрал инициативную группу и назначил ответственных за отдельные цехи, склады, лаборатории. Из Вильно больше ни одного предприятия в СССР не переехало.

Демонтаж шел 3 дня и 3 ночи. Причину такой спешки Каган перед нами под большим секретом раскрыл. Он все время сидел на телефоне, по прямому проводу связывался с Пономаренко (первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии). Каган был очень умным человеком, и все точно рассчитал. Когда все было упаковано, появились красноармейцы. Они занялись погрузкой. Грузовые машины шли к поезду. Нам Каган сказал: "Вы все можете ехать в СССР, берите своих близких, кого хотите". Я поехал с женой, а родители, сестры остались. Это была трагическая ошибка.

Когда мы паковали оборудование, на заводе все время крутился Наум Левин. Он терял все. Ходил растерянный, ничего не понимал. Каган сказал:

- Сейчас его отсюда увезут. Больше вы его не увидите.

Так и случилось. Приехали энкавэдисты, и он исчез. По моим данным, он был в лагерях ГУЛАГа и там сошел с ума. Все время твердил: "Отдайте мне мой завод. Отдайте мне мой завод".

Каган сказал:

- Соберите все вещи. За вами тоже приедут красноармейцы и отвезут к поезду. Будьте готовы к такому-то часу.

Время было указано точно: в городе был комендантский час. Мы в ожидании сидели на своих вещах у домов, подходили соседи, язвили: "Упаковались? Ну-ну. Посидите, посидите. Никто за вами не заедет. Никому вы там не нужны". Но за нами приехали в точно установленный час.

С завода увезли все: от прессов до пепельниц. Вывезли всю готовую продукцию, комплектующие со складов, готовые узлы, мебель. Отъезд был продуман до мелочей. В Польше была узкая колея, но, когда поезд дошел до Молодечно, нас уже ждал новый состав. Вагон стоял против вагона, и солдаты просто переносили все с одного места на другое, рядом. Точно так же ждал и состав для рабочих. Потом, когда я уже понял, какой беспорядок царит в СССР в целом, я еще долго изумлялся, как все здорово Каган организовал. Кто-то ему помогал, но этих людей я не запомнил.

В целом поднялось около 500 семей. Брали с собой все: мебель, посуду.

Приехали мы в Минск 13 октября - около 2.000 человек. Шли дожди, и грязь в городе была невообразимая.

Расселили нас по разным общежитиям. Инженерно-техническим работникам отдали три этажа в только что построенном общежитии медицинского института на Московской улице (дом с колоннами за Западным мостом слева, если идти от Дома Правительства). Наша семья обосновалась на втором этаже. Из числа прежних жильцов в доме остались только две семьи - стоматолога и медсестры.

Вся верхушка завода жила на Ленинградской улице, возле вокзала. Еще два дома нам были выделены на Долгобродской: один возле костела, другой - подальше. Семейные получали комнату, большие семьи - по две комнаты, а холостяки - комнату на двоих, на троих. А еще одно общежитие находилось у еврейского кладбища на Сухой.

На вокзале была торжественная встреча. Все вещи таскали солдаты. О том, что завод будет размещен именно в Минске, мы узнали уже здесь. О том, в какую комнату какая семья должна вселяться, нам сообщали уже на вокзале. Потом нас пять дней водили кормить в ресторан "Беларусь". Кормили бесплатно, три раза в день. Водили в театры: оперный, белорусский, еврейский. Нам никуда самим не надо было ходить. Даже деньги менять к нам приезжали в общежитие. Мы с женой были почти без денег: все оставили моим родителям. А некоторые привезли с собой большие суммы. Потом выдали какие-то суммы в счет зарплаты. Даже новые паспорта, советские, привезли прямо в общежитие.

Потом группу специалистов повезли на деревообрабатывающую фабрику - ДОК рядом с Комаровской площадью. Именно этот ДОК и хотели переоборудовать под радиозавод. Предприятие было маленькое - изготавливало шкафы, стулья, столы. Это была какая-то старая мебельная фабрика с древним, изношенным оборудованием. Здания ее тоже неизвестно когда строились. На территории стоял локомотив, были площадки для распиловки древесины. Правда, нам показывали и другие заводы: имени Кирова, имени Ворошилова, но они тоже были маленькими и совершенно не производили впечатления.

На свой завод мы ездили на трамвае, двигавшемся вдоль Советской улицы. В Вильно мы трамваев тогда вообще не знали - извозчики, такси, небольшое количество автобусов. Трамваи в Минске тогда ходили очень плохо. Поездка на них была связана со многими неудобствами. К примеру, чтобы подняться в гору от реки к Дому офицеров, трамваю приходилось разгоняться издали, но и это не было гарантией, что он эту гору возьмет. В таком случае все пассажиры высаживались, шли вверх пешком и уже там, наверху, вновь садились в вагон. Учитывая все эти обстоятельства, нас первое время возили на работу на машинах.

Уже через неделю после приезда мы сидели за проектированием нового завода. Я отвечал за создание сборочно-регулирующего цеха, кто-то занимался цехом узлов. Выделили нам для этой работы помещения заводууправления. В проектно-сметную документацию все созданные нами планы переводили специалисты из ленинградского ГСПИ-5.

Уже зимой началось строительство заводских корпусов. Территорию бывшего ДОКа существенно увеличили, и уже в 1940 году было готово очень красивое трехэтажное здание. Немедленно начался выпуск приемников. Мы наши приемники приспособили к лампам, выпускавшимся в СССР, к местным комплектующим. Продукция нашего завода настолько отличалась по внешнему виду, по культуре производства от того, что выпускалось в СССР, что вокруг нас возник даже некий героический ореол. А в СССР в это время делали приемники в Александрове (под Москвой) и Воронеже (там завод построили американцы).

Мы сами наладили выпуск комплектующих - кроме конденсаторов, резисторов и ламп. Не успели начать работать, как стали приезжать специалисты с других заводов - учиться. Мы и сами ездили на другие заводы. В Вильно к нам приходили комплектующие из Англии, Швеции, Германии. Теперь же приходилось ездить по СССР, заключать договоры на поставку. Ту готовую продукцию, что мы привезли с собой из Вильно, здесь моментально расхватывали. Универмаг на углу Советской и Комсомольской был небольшой (во время войны разрушен, сейчас на этом месте здание Комитета госбезопасности), ажиотаж поднялся невероятный. Часть приемников ушла начальству, часть отправили в Москву, членам ЦК. Все понимали, что наши приемники на несколько классов выше советских.

Отношение к нам, приезжим, было прекрасное. На работу устроили даже жен инженеров - в [Академию наук](#), в политехнический институт. Моя жена работала экономистом в Белплодоовощтресте (на Революционной улице). Средний технический персонал, рабочие сразу после приезда в Минск были трудоустроены на разных заводах, но потом, когда

начался выпуск приемников, всех собрали на радиозавод. Мы же еще занимались обучением местных рабочих - конвейерной системе сборки и т. д.

Строительство не прекращалось даже в самые сильные морозы и в дни, когда шла финская война. Во время войны в магазинах ничего не было, лежали только горкой крабовые консервы, но их никто не брал. Зато у нас в общежитиях организовывали продажу, причем завозили все: батоны, сметану, яйца, консервы. Почему-то нигде не было масла, и тогда мы понакупали маслобойки и сами делали из сметаны сливочное масло.

В июне 1941 года Минск очень сильно бомбили, но на завод не упало ни одной бомбы. Мы дежурили в цехах, но потом нам сказали: "Ребята, идите домой, к семьям. Правительства в Минске уже нет. Говорить не с кем". Обладая определенным опытом, мы могли бы за три дня вывезти весь завод: к цехам подходила железнодорожная ветка. Мы обсудили этот вопрос с главным инженером Розенштейном и решили, что это вполне по нашим силам. Предложили этот вариант директору Давиду Львовичу Юделевичу. Это был замечательный человек из местных, прекрасный организатор (у него было экономическое образование, в послевоенные годы он возглавил восстановление завода). Тот сел за телефон, но никого нигде из руководства найти не смог. И мы уехали, оставив этот прекрасный завод немцам...

Виктор Корбут